

ЭВОЛЮЦИОНИСТИКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО МЫШЛЕНИЯ

Александр Александрович ПОЗДНЯКОВ¹

EVOLUTIONISTICS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN THINKING

Alexandr POZDNYAKOV

Резюме. В статье изложены разные версии состояния русского общества: *болезнь* (Н.Я. Данилевский), *псевдоморфоза* (О. Шпенглер), *естественное состояние* (Г.Д. Гачев), *археомодерн* (А.Г. Дугин). Эти версии фокусируют внимание на различных аспектах состояния нашего общества. Патологические явления выражаются в гуманитарных науках, а также и в науке о живом. В качестве примера кратко описана структура русской эволюционистики, дана трактовка её истории, определены ключевые темы исследований.

Ключевые слова: русская цивилизация, болезнь, псевдоморфоза, археомодерн, русская эволюционистика.

Abstract. The article presents different versions of the state of Russian society: *disease* (N.Ya. Danilevsky), *pseudomorphosis* (O. Spengler), *natural state* (G.D. Gachev), *archeomodern* (A.G. Dugin). These versions focus attention on various aspects of the state of our society. Pathological phenomena are expressed in the humanities, as well as in the biology. As an example, the structure of Russian evolutionistics is briefly described, an interpretation of its history is given, and key research topics are identified.

Keywords: Russian civilization, disease, pseudomorphosis, archeomodern, Russian evolutionistics.

¹ Институт систематики и экологии животных СО РАН, Новосибирск.

SYNOPSIS

Defensive modernization, which began in Russia at the end of the 17th century, based on technical borrowings from the West, led to the introduction of Western natural science and humanitarian ideas into the Russian mentality. These Western ideas in various common, social, cultural and scientific aspects led to such a state of Russian society, which in one aspect is designated as archeomodern (A.G. Dugin), combining elements of modernity and premodernity, and in the other – as pseudomorphosis (O. Spengler), combining elements of different national cultures. This state of Russian society is a pathology, a disease (N.Ya. Danilevsky). The introduction of Western ideas into the Russian mentality was accompanied not only by their acceptance by one part of society, but also by rejection, reworking up to their unrecognizability by another part of society, which indicates a rejection of the Western path of development by Russian society. The task of liberation from alien cultural dependencies and the development of Russian cultural elements, which is most important in the humanities and in the biology, should be set. For example, in accordance with the scheme of Russian thinking “not that, but ... (what)” (G.D. Gachev), an alien idea should be distinguished in Russian evolutionistics: Darwinism (selectionism) and its subsequent modifications (neo-Darwinism, synthetic theory of evolution). The combination of Darwinism with elements of Russian evolutionary thought gave rise to Russian unorthodox Darwinism, which was transformed into Michurin biology. By pouring an otherwise content into the Darwinian form, it turned out to be pseudo-Darwinism of I.I. Schmalhausen. Since the combination of different, logically incompatible elements leads to the formation of false meanings, it is necessary to re-analyze the evolutionary constructions created by Russian evolutionists in order to identify false meanings, as well as the actual elements of Russian national evolutionary thought. A special place in Russian evolutionistics is occupied by original Russian evolutionary theories: symbiogenesis (A.S. Famintsyn, K.S. Merezhkovsky, B.M. Kozopoliansky), heterogenesis (S.I. Korzhinsky), organic naturphilosophy (V.P. Karpov), the activity theory of evolution (Yu.A. Belogolovy), the theory of evolution as creativity (E.A. Shultz), the theory of mobile equilibrium (A.A. Elenkin), nomogenesis (L.S. Berg), historical biogenetics (D.N. Sobolev), created in the period from the 90s of the XIX century to the 30s of the XX century. This period was the Golden Age of Russian evolutionistics. After the removing of the Marxist ideological diktat in the early 90s, it would be logical to expect the coming of the Silver Age of Russian evolutionistics. But it did not take place, and the reasons for this are extremely needed to be clarified.

РЕФЕРАТ

Оборонная модернизация, начавшаяся в России в конце XVII века, в основе которой лежали технические заимствования с Запада, привела к внедрению в русский менталитет западных естественнонаучных и гуманитарных идей. Эти западные идеи в различных бытовых, социальных, культурных и научных аспектах привели к такому состоянию русского общества, которое в одном аспекте обозначается как археомодерн (А.Г. Дугин), сочетающий элементы модерна и премодерна, а в другом – как псевдоморфоza (О. Шпенглер), сочетающая элементы разных национальных культур. Такое состояние русского общества представляет собой патологию, болезнь (Н.Я. Данилевский). Внедрение западных идей в русский менталитет сопровождалось не только их принятием одной частью общества, но и отторжением, переработкой вплоть до их неузнаваемости другой частью общества, что говорит о неприятии западного пути развития русским обществом. Должна быть поставлена задача освобождения от чужеродных культурных зависимостей и развития русских культурных элементов, что наиболее важно в гуманитарных науках и в науке о живом. Например, в соответствии со схемой русского мышления «не то, а ... (что)» (Г.Д. Гачев), в русской эволюционистике следует выделить чуждую идею: дарвинизм (селекционизм) и его последующие модификации (неодарвинизм, синтетическая теория эволюции). Сочетание дарвинизма с элементами русской эволюционной мысли породило русский неортодоксальный дарвинизм, трансформировавшийся в мичуринскую биологию. Путём заливки в дарвинистическую форму иного содержания получился псевдодарвинизм И.И. Шмальгаузена. Поскольку сочетание разных, логически несовместимых элементов приводит к формированию ложных смыслов, то необходимо заново проанализировать эволюционные конструкции, созданные российскими эволюционистами, с целью выявления ложных смыслов, а также собственно элементов русской национальной эволюционной мысли. Особое место в русской эволюционистике занимают оригинальные русские эволюционные теории: симбиогенез (А.С. Фаминцын, К.С. Мережковский, Б.М. Козо-Полянский), гетерогенез (С.И. Коржинский), органическая натурфилософия (В.П. Карпов), деятельностьная теория эволюции (Ю.А. Белоголовый), теория эволюции как творчества (Е.А. Шульц), теория подвижного равновесия (А.А. Еленкин), номогенез (Л.С. Берг), историческая биогенетика (Д.Н. Соболев), создававшиеся в промежутке с 90-х годов XIX века до 30-х годов XX века. Это был золотой век русской эволюционистики. После снятия марксистского идеологического диктата в начале 90-х годов логично было бы ожидать наступление серебряного века русской эволюционистики. Но он не состоялся, и причины этого крайне необходимо выяснить.

Введение

Цивилизационные исследования Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера и некоторых других исследователей активно обсуждаются [Алалыкин-Извеков, 2014; Хруцкий, 2016; Белов, 2017; Халапсис, 2017]. Оценивается возможность развития русского цивилизационного потенциала [Буренков, 2014; Хруцкий, 2020]. Надо сказать, что в западной профанной историософии принята формационная концепция развития человечества, в соответствии с которой различные общества существенно не отличаются друг от друга, развиваются по одним и тем же законам в одном и том же направлении, но с разной скоростью, то есть они проходят одни и те же стадии, но в разное время. Этой концепции противопоставляют цивилизационную концепцию истории, в соответствии с которой каждое человеческое общество характеризуется своими уникальными особенностями, рождается, развивается по определённым законам и каждое в своём направлении, приобретая тем самым самобытные особенности, обобщённо называемые национальным характером или национальным менталитетом.

В контексте и одной, и другой концепции принимается, что в настоящее время различные общества находятся на разных стадиях развития, но с течением времени согласно формационной концепции различия между разными обществами должны стираться, тогда как согласно цивилизационной концепции – возрастая, точнее, более ярко будет проявляться своеобразие обществ. В контексте цивилизационных исследований очень важна проблема статуса национальной науки и её соотношения с «мировой» наукой [Гринченко, 2014; Орлов, 2014]. Однако прежде всего необходимо оценить состояние русской цивилизации, и в данной статье обсуждаются четыре основные версии – как болезнь (Н.Я. Данилевский), как метаморфоза (О. Шпенглер), как естественное состояние (Г.Д. Гачев), как археомодерн (А.Г. Дугин).

1. Болезнь

Цивилизационную концепцию истории впервые детально разработал Н.Я. Данилевский² [1888]. Согласно его базовой идее, народы представляют собой самобытные *культурно-исторические типы*, характеризующиеся собственными особенностями развития. Он насчитал десять культурно-исторических типов: 1) египетский, 2) китайский, 3) древнесемитический (халдейский), 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8)

² Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) – русский учёный, культуролог, социолог и публицист; основатель цивилизационного подхода в истории.

римский, 9) новосемитический (аравийский), 10) романо-германский (европейский). Самобытными типами, по его мнению, являются также мексиканский и перуанский, которые насильственно погибли, не закончив своего развития. Все эти типы характеризуются Н.Я. Данилевским как положительные исторические деятели, развивавшие какую-то особенность духовной природы и внёсшие уникальный вклад в сокровищницу человеческой культуры. Помимо указанных самобытных цивилизаций в истории неоднократно возникали временные феномены (гунны, монголы, турки), которые можно рассматривать как отрицательные исторические деятели, уничтожающие цивилизации, достигшие старческой стадии. Также есть племена, которые не смогли стать историческими деятелями [Данилевский, 1888].

По представлению Н.Я. Данилевского, существование культурно-исторических типов определяется пятью законами. *Во-первых*, культурно-исторический тип характеризуется отдельным языком или группой близких языков. *Во-вторых*, развитие культурно-исторического типа возможно при условии его политической независимости. *В-третьих*, цивилизационные начала данного культурно-исторического типа вырабатываются самостоятельно, но при том или иной влиянии предшествовавших или современных цивилизаций; эти начала не передаются другому типу. *В-четвёртых*, полнота, разнообразие и богатство цивилизации осуществляется при условии, если этнографические элементы составляют федерацию. *В-пятых*, развитие культурно-исторического типа можно уподобить развитию монокарпического растения, характеризующегося продолжительным многолетним ростом и однократным цветением и плодоношением.

В народной деятельности Н.Я. Данилевский нашёл четыре основные составляющие: *религиозную*, включающую отношения человека к Богу как основу его нравственной деятельности; *культурную*, включающую отношения человека к внешнему миру, среди которых можно выделить три главных компонента: научный (теоретический), эстетический (художественный) и технический (промышленный); *политическую*, включающую отношения людей, точнее, человеческих обществ между собой, и *общественно-экономическую*, включающую отношения людей между собой через посредство предметов внешнего мира.

В отношении славянских народов Н.Я. Данилевский ожидал, что в них в состоянии развиться до гармонического сочетания все четыре основы: религиозная в лице православия; политическая в форме не-колониального расширения государства; общественно-экономическая, которая в силу избытка земли может быть справедливо устроена. Небольшой

успех славянских народов в области науки и искусства объясняется сравнительной молодостью их исторической деятельности. Тем не менее, в России уровень литературы сравним с уровнем европейской литературы. Таким образом, славянские народы в будущем должны составить новый, одиннадцатый культурно-исторический тип.

Однако русское общество как ядро славянских народов поражено болезнью, названной Н.Я. Данилевским *европейничаньем*, и эта болезнь угрожает народу бесплодным и бессильным существованием. Болезнь, по его мнению, началась с реформ Петра, у которых были две стороны. Во-первых, это реформы государственного характера, направленные на развитие промышленности, армии и флота. Во-вторых, это реформы, направленные на изменения в быте, нравах и обычаях русского народа, которые перестроили всю русскую жизнь на иностранный лад. Такая перестройка началась с верхних слоёв общества и распространялась на низшие слои.

Симптомами болезни являются:

- 1) замена форм народного быта иностранными формами;
- 2) заимствование разных иностранных учреждений;
- 3) оценка русской жизни с иностранной точки зрения.

Первый симптом *европейничанья* выражается во всех внешних формах быта: устройстве домов, утвари и одежды, образе жизни. Европейничанье, поразившее форму быта, лишает возможности возникновения и развития народного искусства, в особенности скульптуры. Для реалий своего времени Н.Я. Данилевский [1888, с. 296] констатировал: «Вследствие изменения форм быта, русский народ раскололся на два слоя, которые отличаются между собою с первого взгляда по самой своей наружности. Низший слой остался русским, высший сделался европейским – европейским до неотличимости. Но высшее, более богатое и образованное сословие всегда имеет притягательное влияние на низшие, которые невольно стремятся с ним сообразоваться, уподобиться ему сколько возможно. Поэтому в понятии народа невольно слагается представление, что своё русское есть (по самому существу своему) нечто худшее, низшее. Всякому случалось, я думаю, слышать выражения, в которых с эпитетом *русский* соединялось понятия низшего, худшего: русская лошаде́нка, русская овца, русская курица, русское кушанье, русская песня, русская сказка, русская одежда и т.д. Всё, чему придаётся это название русского, считается как бы годным лишь для простого народа, не стоящим внимания людей более богатых или образованных. Неужели такое понятие не должно вести к унижению народного духа, к подавлению чувства народного достоинства?.. А между тем, это самоунижение, очевидно, коренится в том обстоятельстве, что всё, выходящее

(по образованию, богатству, общественному положению) из рядов массы, сейчас же рядится в чужеземную обстановку».

Второй симптом европейничанья выражается в переносе чужеземных учреждений на русскую почву, так как считается, что то, что хорошо работает на Западе, также должно хорошо работать и в России. Третий симптом европейничанья выражается в подведении русской жизни под нормы европейской жизни. Следствием европейничанья в этой сфере является путаница в научной области и огромный вред в практической деятельности. К выражениям симптома этой болезни в данной сфере Н.Я. Данилевский отнёс аристократизм, демократизм, нигилизм. Однако эти проявления представляют собой частности. Самое опасное проявление болезни европейничанья – «наше балансирование перед общественным мнением Европы, которую мы признали своим судьёю, перед решением которого трепещем, милости которого заискиваем. Такое отношение к иностранному общественному мнению, даже если бы это мнение не было радикально-враждебно всему русскому, не может не лишить нас всякой свободы мысли, всякой самодеятельности. <...> Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, унизительно-тщеславное удовольствие от её похвал» [Данилевский, 1888, с. 317].

По мнению Н.Я. Данилевского [1888, с. 323], болезнь *европейничанья* обусловлена немощью народного духа в элите русского общества. Она, так сказать, воспроизводится в каждом поколении высшего общества и препятствует осуществлению собственной судьбы русского народа. Без лечения она может иссушить источник народного духа, лишить русский народ созидательной силы, и сделать бессмысленным, излишним его существование. Излечить эту болезнь, как полагал Н.Я. Данилевский, невозможно властными действиями и словесными призывами. Это возможно только духовным подъёмом, который бы затронул все слои русского общества. Возможно, вследствие болезни русский народ не сможет самостоятельно развиваться в культурно-исторический тип, и Н.Я. Данилевский выход видел во всеславянском союзе, то есть должен развиваться не русский, а славянский культурно-исторический тип.

В наше время говорят о мировой и местной науке, что подразумевает отношение конкретного народа к человечеству в целом. По мнению Н.Я. Данилевского, народ к человечеству относится как видовое понятие к родовому. Это отношение можно трактовать двояко. Во-первых, род может интерпретироваться как отвлечённое понятие, получаемое путём исключения всех видовых особенностей. Во-вторых, он может интерпретироваться как

реальная совокупность всех входящих в него видов. Если трактовать человечество в первом смысле, то, как заметил Н.Я. Данилевский, *общечеловеческое* не включает в себе ничего реального и действительного. Во втором же смысле *всечеловеческое* есть совокупность всего народного, и оно не может быть осуществлено в одном каком-то народе. Поэтому вклад какого-либо народа во *всечеловеческое* заключается в развитии им своих национальных особенностей.

Основываясь на таком понимании всечеловеческого, Н.Я. Данилевский утверждал, что *наука имеет национальные особенности*. Так, он указывал, что против этого взгляда выдвигают три возражения: 1) истина едина, поэтому и наука должна быть единой; 2) научные идеи преемственны, так как они свободно переходят от одних народов к другим; 3) научные идеи могут быть изложены на любом языке.

Как указал Н.Я. Данилевский [1888, с. 138], *первое возражение* основано на недоразумении, поскольку истина – это знание существующего самого по себе (таким, каким оно существует). Но тогда в понятии истины заключается два элемента: во-первых, это действительность, реальность – внешний элемент, независимый от человека; во-вторых, отражение этой действительности в нашем сознании, то есть внутренний элемент.

Но отражение действительности в человеческом сознании невозможно без искажений, иначе мы жили бы совершенно в другом мире. Именно поэтому разные учёные имеют различные взгляды на устройство мира, даже в специальных аспектах, например, взгляды Ж. Кювье, Э. Жоффруа Сент-Илера или Л. Окена на систему животных различаются. Естественно возник вопрос: «все эти особенности в приёмах мышления, в методах изыскания, случайно ли рассеяны между людьми или сгруппированы по национальностям – так же точно, как сгруппированы нравственные свойства, эстетические способности?» [Данилевский, 1888, с. 139].

Поскольку в искусстве, общественной жизни и многих других проявлениях человеческого духа отмечен сильный отпечаток национального, постольку то же самое должно быть и в науке. Но «Из этого, конечно, не следует, чтобы тот или другой учёный не мог стоять ближе (по своему направлению, по своим воззрениям и по методам своих изысканий и своего мышления) к чужой народности, чем к своей собственной, и это вовсе не от подражательности, а по особенностям своей психической природы. Таким образом, Жоффруа Сент-Илер был

более немец, чем француз, приближаясь к школе натурфилософов; Аристотель – более европеец новых времён, чем древний грек; но такие примеры всегда остаются исключениями» [Данилевский, 1888, с. 139].

Искажающее отражение действительности – это только один из аспектов влияния национального на науку. Другим аспектом является то, что отражения действительности разными народами *дополнительны*. Исследователи допускают историческое развитие науки, то есть они признают *разновременность* возникновения научных концепций. Тогда возникает вопрос: почему же невозможна *разноместность* науки, то есть соответствие её особенностям психического строя народа? В подкрепление своей точки зрения Н.Я. Данилевский указывал на склонность французов к математике, немцев – к лингвистике, англичан – к геологии.

Второе возражение – преемственность научных идей – совершенно не исключает того, что из всего объёма всечеловеческого наследия конкретный народ выбирает только то, что соответствует его склонностям и разрабатывает тему свойственными ему способами мышления. В отношении *третьего возражения* Н.Я. Данилевский указывал, что такие отрасли искусства, как музыка, живопись, скульптура, архитектура выражаются в звуках, формах, красках, воспринимаемых одинаково разными людьми, однако не теряют от этого своего национального характера.

Как заметил Н.Я. Данилевский, национальный характер сказывается на научных теориях. Так, англичане отличаются наклонностью к развитию индивидуальности в борьбе с различными препятствиями. Борьба присутствует во всех общественных учреждениях: суде, парламенте. По разным поводам заключают пари. Представление о борьбе лежит в основе таких теорий, как теория человеческого общества Т. Гоббса, экономическая теория свободной конкуренции А. Смита, теория эволюции Ч. Дарвина.

Критические высказывания людей того времени, разных по своим пристрастиям, в отношении идей Н.Я. Данилевского сходились в одном – в возможности или невозможности самостоятельной русской, точнее, славянской культуры. И отечественная интеллигенция совершенно не принимала возможность самобытной русской (славянской) культуры [Бестужев-Рюмин, 1888; Белов, 2017]. В настоящее время идеи Н.Я. Данилевского активно обсуждают, причём разные мыслители трактуют их нередко полярно [Султанов, 2001; Белов, 2017]. Указывается, что *болезнью европейничанья* российская элита болеет до сих пор

[Буренков, 2014; Воробьёв, 2014]. Признаётся справедливость утверждения Н.Я. Данилевского, что широкие культурные заимствования представляют опасность для развития самобытного культурно-исторического типа [Халапсис, 2017].

2. Метаморфоза

С идеями Н.Я. Данилевского был знаком О. Шпенглер³, который на свой лад отвергал европоцентристскую схему истории: Древний мир – Средние века – Новое время. Общее описание материала производилось О. Шпенглером с помощью понятий, образующих пары противопоставлений. Основным является противопоставление *природы* и *истории*, выражающемся в таких антитезах, как математический закон – аналогия, математическое число – хронологическое число, логика пространства – логика времени (необходимость судьбы).

Противопоставление природы и истории объяснялось с помощью таких пар понятий, как становление и ставшее, душа и мир, возможное и действительное, жизнь и смерть, судьба и причинность. Понятия, входящие в разные пары противопоставлений, связаны между собой. Так, жизнь есть становление, а смерть связана со ставшим. Также жизнь есть образ (гештальт), в котором происходит осуществление возможного. Так как возможное – это будущее, а осуществлённое – это прошлое, а само осуществление есть настоящее, то душа – это то, что подлежит осуществлению, соответственно, мир есть осуществлённое, а жизнь – осуществление.

Таким образом, по мнению О. Шпенглера, история есть осуществление возможной культуры. Поскольку становление переживается, а ставшее познаётся, то первое постигается в сравнении, образе, символе и воспроизводится в поэтических и художественных концепциях, а второе постигается в формуле, законе, схеме и приводится к системе. Со временем соотносится судьба. Тогда характер и направление становления основываются на ощущении судьбы, которая предстаёт как способ существования пра-феномена (гештальта). Таким образом, идея судьбы пронизывает всю картину мира истории, тогда как идея причинности пронизывает картину мира природы [Шпенглер, 2014, с. 147].

³ Освальд Арнольд Готтфрид Шпенглер (Oswald Arnold Gottfried Spengler; 1880–1936) – немецкий историософ и публицист.

Очень важно, что, согласно О. Шпенглеру, восприятие мира, других существ и их судьбы зависит, говоря нынешними словами, от положения и статуса *наблюдателя*, который воспринимает свою сопричастность к событиям и другим существам. Так, изменение статуса из подчинённого в начальника и т.п. изменяет восприятие им других людей. Немец воспринимает Первую мировую войну совершенно по-другому, чем англичанин. Объективность возможна лишь на большом удалении от событий или при отсутствии чувства сопричастности. Статус наблюдателя влияет на результаты, получаемые даже в самой строгой науке, так как, по мнению Шпенглера:

«Исследователь не может изучать зверей или пласты горных пород, абстрагируясь от субъективной точки зрения, от своего времени, народа и даже от положения, занимаемого в обществе; это также невозможно, как невозможно исследовать в отвлечении от всего этого революцию или мировую войну. Знаменитые теории Канта-Лапласа, Кювье, Лайеля, Ламарка, Дарвина имеют также и политико-экономическую окраску, и то, что они произвели колоссальное впечатление на абсолютно далёкие от науки круги, обнаруживает общность происхождения представлений обо всех этих исторических слоях» [Шпенглер, 2014, с. 493].

Противопоставление становления и ставшего определяет тип причинности. Так, история, трактуемая как становление, связана с будущим; собственно, «причина» становления – *судьба*, то есть будущее. Природа есть ставшее, и она связана с прошлым. Точно также и *причина* естественных явлений отправляется в прошлое. Элементы противопоставлений имеют предельный характер, и в реальном становлении есть также элементы и ставшего. Именно поэтому его можно не только переживать, но и созерцать и познавать.

Итак, по мнению О. Шпенглера [2014], на Земле завершили или завершают своё развитие следующие культуры: египетская, индийская, античная, китайская, арабская и западная. Развитие культур включает четыре фазы длительностью примерно по 300–400 лет, кроме последней фазы. Эти фазы О. Шпенглер сопоставил со временами года, причём в трёх первых фазах развиваются элементы собственно культуры, а в последней фазе культура сменяется цивилизацией, которая может существовать тысячелетиями⁴.

В первой фазе (весна), как полагал О. Шпенглер, рождается миф большого стиля, и он получает своё мистико-метафизическое оформление. Народ представляет собой крестьянскую страну, в которой город организуется как рынок или крепость. Во второй фазе (лето)

⁴ По сути, это квартерная схема: 3 + 1. Таким образом, в этой схеме проявляется характерный германский способ мышления: деление процесса на три фазы, стадии.

происходит реформация религии, создание философии и математики. В третьей фазе (осень) мышление рационализируется, создаются философские системы, происходит просвещение всего народа. Также появляется буржуазия, и город выступает против деревни.

В последней фазе (зима) происходит угасание душевной формообразующей силы, расцветает материализм, культ науки, пользы, благоденствия. Культура сменяется цивилизацией, как становление сменяется ставшим, жизнь – смертью, развитие – оцепенелостью. Город побеждает деревню, и цивилизация демонтирует отжившие формы. Происходит распад народных организмов и превращение народа в массу, появляется «вместо полного формы, сросшегося с землёй народа – новый кочевник, паразит, обитатель крупного города, чистый, лишённый традиций, выступающий в виде флуктуирующей массы человек практического склада, безрелигиозный, рассудительный, бесплодный, с глубинным нерасположением к крестьянству» [Шпенглер, 2014, с. 46]. Завершается эта фаза цивилизацией мировых столиц, когда всё разделяется на мировую столицу, которую населяет не народ, а масса, и провинцию, и целые страны делаются провинциями. Родина (отчизна) замещается космополитизмом, а государство – «обществом». Провинции усваивают столичный вкус (а не народный стиль), манеры (не народный обычай), моду (не народный костюм).

На стадии зарождения культуры О. Шпенглер огромное значение придавал религии. Она переводит народ из *существования* в *бодрствование*. Религия позволяет преодолеть страх индивида перед космическими существами и силами, так как позволяет установить связи между событиями в жизни индивида (его судьбой) и нуминозностью, то есть сформировать каузальную систему. Понимание причин освобождает индивида от страха. Это понимание сначала выражается в форме *веры*. Затем в результате страданий, сомнений и недоверий вера переходит в *знание*, точнее, в *веру в знание*. Ещё позже сомнение в знании приводит обратно к вере. Но в последнем случае остаётся *технический* опыт. Поэтому противопоставление, полагание несовместимости религии и науки есть следствие непонимания природы знания, которое имеет предпосылки. По мнению О. Шпенглера, любой естественнонаучной теории предшествует догмат, то есть теория – это догмат в изменённой форме. Так, путём препарирования готической религиозной картины мира получилось естествознание барокко [Шпенглер, 2014, с. 727].

В конце XIX века западная культура вступила в стадию цивилизации, и её духовное развитие прекратилось, хотя народы, составляющие западную цивилизацию, могут просуществовать

ещё неопределённо долго. По прогнозу О. Шпенглера [2014, с. 460] европейско-американскому миру предстоит последний духовный кризис, явным выражением которого будет тирания рассудка, культ точных наук.

Освальд Шпенглер воспринимал русский народ, как находящийся на докультурной стадии, но способный создать самобытную культуру. Отличие этой культуры от западной уже проявляется в эпосе. Так, западным легендам о короле Артуре и его рыцарях соответствуют русские былины о князе Владимире и его «рыцарях круглого стола». Однако отношение народных героев (Ильи Муромца, Добрыни Никитича) к князю отличается от отношения рыцарей к королю: они сами по себе и служат по своей воле, скорее, стране, чем князю. Это своеобразие власти проявляется и в русском царизме – форме правления, отличающейся от династической западной формы правления.

По мнению О. Шпенглера, на Руси никогда не было собственно русских *городов*. Москва – это Кремль, окружённый гигантским рынком, то есть город существует ради купцов, чиновников, власти (двора). Его население – двухслойно. Верхний слой составляет «интеллигенция» – воплотившаяся литература, с надуманными и вычитанными проблемами, а нижний слой – народ, оторванный от своих крестьянских корней, но со своими скорбями, страхами и невзгодами. Эту тоску городского народа по земному простору, его ненависть к каменному миру, в котором народ оказался замкнутым Антихристом, пережил Ф.М. Достоевский. Собственной души у Москвы никогда не было, поскольку московское светское общество было западным по духу, а душа простого народа не могла ни в чём выразиться [Шпенглер, 2014, с. 652–653].

С основанием Санкт-Петербурга и народная самобытная русская душа заливается в чуждую западную форму. Народу «была навязана искусственная и неподлинная история, дух которой прарусскость просто никак не может постигнуть. Были заведены поздние искусства и науки, просвещение, социальная этика, материализм мировой столицы, хотя в это предвремя религия – единственный язык, на котором человек способен был понять себя и мир; и в лишённом городов краю с его изначальным крестьянством, как нарывы, угнездились отстроженные в чуждом стиле города. Они были фальшивы, неестественны, невероятны до самого своего нутра» [Шпенглер, 2014, с. 651]. Чуждые формы воспринимаются русскостью как ложь, нечистота и отравка. Эти формы возбуждают в народе ненависть против Европы. А Пётр воспринимается народом как Антихрист. С петровских времён Русь превращается в

псевдоморфозу⁵ с избалованным высшим обществом и чуждым народу государством. Между высшим обществом и народом не было и нет никакой связи, никакого понимания⁶. Жертвами псевдоморфозы оказались и Ф.М. Достоевский – крестьянин по душе, не могший внутренне освободиться от земли, и Л.Н. Толстой – человек из высшего общества, пытавшийся, но не смогший найти эту землю [Шпенглер, 2014, с. 653].

По сравнению с западной (главным образом, с немецкой) душой О. Шпенглер дал следующую характеристику русской души. Так, русский смотрит *вдаль*, а не *вверх*, как западный человек. Русское слово *небо* построено на отрицании⁷, в отличие от немецкого *Himmel*⁸. Человечество также представляется русскому *равниной*. Русская любовь – это равнинная любовь: любовь к таким же бедным, блуждающим по равнине существам. По мнению О. Шпенглера, во всём этом выражается самоотчуждение русского человека, отрицание им персональной ответственности. В русской *воле* (нем. *Wille*) скрывается отсутствие долженствования, состояние свободы *от чего-то*, в первую очередь, от обязанности личного деяния. Русскому вольному человеку никто не отдаёт приказаний, его деятельность основывается на

⁵ Исходно термин *псевдоморфоза* появился в минералогии. Псевдоморфозы – кристаллы или минералы, повторяющие форму другого минерала, не свойственную данному минералу. Образуются такие псевдоморфозы путём замещения вещества одного минерала веществом другого с сохранением внешней формы первого минерала или путём заполнения пустот, образовавшихся при растворении какого-либо минерала. В широком смысле о псевдоморфозе говорят в тех случаях, когда есть несоответствие содержания и формы.

⁶ Этот взгляд на русское общество, как состоящее из двух конфликтующих народов, поддерживается и многими русскими публицистами. Афористически такое состояние выражается так: «одна страна, два народа». Революция 1917 года привела к победе простого народа, который не смог воспользоваться плодами своей победы по двум основным причинам. *Во-первых*, страна находилась (и находится) в состоянии догоняющей оборонной модернизации, без осуществления которой Россия погибла бы. Поэтому не было времени и ресурсов на осознание и осуществление собственной самобытности (идентичности). *Во-вторых*, в качестве теории построения общества был взят марксизм – западная теория, на основе которой, вполне очевидно, невозможно построить самобытную русскую культуру и государство. Да и строительством нового общества руководил «другой» народ, которому в 1991 году удалось устроить контрреволюцию.

⁷ Такая трактовка слова не соответствует его этимологии (русское *небо* возводится, в конечном счёте, к индоевропейской основе **nebhos-* ‘облако’ [Трубачёв (ред.), 1997, с. 102], однако возникающая из звуковой оболочки слова ассоциация с отрицанием вполне допустима.

⁸ На основании сравнительных данных (хотя и отсутствует полное соответствие в вокализме) исходное значение немецкого *Himmel* должно быть ‘камень’, что удивляет лингвистов, поскольку им неясна связь между значениями ‘камень’ и ‘небо’ [Kluge, 2002, s. 412]. Ранняя этимологическая трактовка этого слова ограничивалась только словами из германских языков, а исходное значение интерпретировалось как ‘покров, потолок’ [Kluge, 1891, p. 147]. Обе эти версии легко объяснимы в контексте представлений Г.Д. Гачева, согласно которым германцы представляют мир как здание, соответственно, в этом мироздании небо представляет крышу или потолок, который должен быть твёрдым.

собственном волеизъявлении⁹. Немецкое Schicksal – это «фанфары», тогда как русское *судьба* – это неотменяемое решение суда. Немецкое Geist трактуется О. Шпенглером в восходящем направлении, тогда как русское *дух* – как исходящее сверху и растекающееся по равнине [Шпенглер, 2014, с. 753].

Важнейшее место в жизни русских людей занимал религиозный вопрос. Его документированные истоки восходят к Стоглавому собору, а легендарные – к крестителю Владимиру. Нерешённость этого вопроса вплоть до революции 1917 года означает, что христианство – это превдоморфоза. В христианскую форму были залиты славянские языческие элементы, и получилось русское православие.

Если принять точку зрения О. Шпенглера, что именно религия является фактором, пробуждающим самобытную культуру, то до 1917 года такой религии в России не появилось, а после революции в стране стал активно насаждаться атеизм, и в настоящее время русское население, несмотря на реконструируемые и строящиеся храмы, остаётся в большинстве своём атеистическим. Тогда возникает вопрос: способна ли атеистическая страна создать самобытную культуру? Ответ в контексте представлений О. Шпенглера, скорее всего, отрицательный. Но поскольку наука, как это утверждал О. Шпенглер, представляет собой развитие религии, то вполне возможно создание самобытной культуры не на религиозном, а на научном основании. Вот только в таком случае русская наука должна принять самобытную форму, а она, как и религия, в настоящее время представляет собой псевдоморфозу.

В современной России городское население преобладает, да и крестьянства после советского периода колхозов и совхозов практически не осталось (как и в западном мире). И тут возможны два варианта: либо невозможность создания в существующих условиях самобытной русской культуры, либо самобытная культура будет создана горожанами. Последней точки зрения придерживается И.И. Маханьков, который родным ландшафтом будущей культуры видит именно городской ландшафт¹⁰. Главную идею будущей культуры он видит в устройении (исследовании) внутреннего пространства, которое отождествляется им с внешним пространством. Будущая русская математика должна изобрести средства для

⁹ Русское *волеизъявление* немец О. Шпенглер воспринял как возможность «отдаться собственной прихоти», ведь по немцу Г. Гегелю свобода есть *осознанная необходимость*, по сути, – внешнее принуждение.

¹⁰ Мне представляется невозможность самобытной городской культуры, поскольку ярких мыслителей и учёных, выходцев из двух русских столиц удручающе мало по сравнению с выходцами из провинции.

описания душевного (духовного) пространства. Также с этим пространством должно соотноситься особое представление времени [Маханьков, 2014].

3. Естественное состояние

Разрабатывая свою концепцию *национальных образов мира*, Г.Д. Гачев¹¹ не отвергал идеи, что мир един для всего человечества, то есть должен быть единственный образ мира (инвариант), но полагал, что разные народы, воспринимая единый реальный мир, по-разному его представляют (воображают). По мнению Г.Д. Гачева, национальный образ мира нельзя описывать в психологическом контексте. К нему надо подходить с гносеологических позиций. С такой точки зрения национальный образ мира представляет собой национальный склад мышления, в соответствии с которым данный народ упорядочивает мир. Другими словами, это особый взгляд, в котором бытие видится данному народу [Гачев, 1988, с. 44].

С более широкой точки зрения в национальном образе мира проявляются три главные проекции: природа (Космос) – постоянно действующий фактор, среда, в которой народ совершает свою историю; душа (Психея), которая определяет национальный характер, способ взаимодействия с природой и другими народами; и слово (Логос), которым народ излагает своё восприятие мира, в котором выражается ум, национальный склад мышления, тип логики. В совокупности эти три составляющие образуют *Космо-психо-логос* народа [Гачев, 1988].

Как писал сам Г.Д. Гачев, его подход к описанию космо-психо-логосов основан на определённой схеме, и поэтому он может в некотором смысле рассматриваться как субъективный. Конечно, как заметил Г.Д. Гачев, можно было бы выбрать и другие схемы, но его выбор основан на определённой традиции – концепции четырёх стихий, которая может быть сопоставлена с аристотелевской концепцией причин¹², причём «вероятное распределение может выглядеть так: земля = материальная причина, огонь – деятельная причина. Это кажется безусловным. Вода = целевая причина, энтелехия (ибо предполагает течение, откуда и куда); воздуху остаётся формальная причина (духовны, невещественны эйдосы, идеи, хотя и световы они, огненны...») [Гачев, 1993б, с. 25].

¹¹ Георгий Дмитриевич Гачев (1929–2008) – советский и российский философ, культуролог, литературовед и эстетик.

¹² Со своей стороны замечу, что эта схема воплощает принцип четвертности, что может говорить о достаточной полноте охвата исследуемого материала.

Стихии (первозлементы) наделены определёнными характеристиками. Так, *земля* наделяется твёрдостью, тяжестью, инертностью, *вода* – текучестью, мягкостью, женскостью, милосердием, жалостью, сентиментальностью, *воздух* – лёгкостью, свободой, духовностью, *огонь* – активностью, мужеством, волей, энергией, причём как позитивной, заключающейся в творчестве, труде, интеллекте, энтузиазме, так и негативной – в разрушении, отталкивании, войне [Гачев, 1998, с. 47].

Огню приписывают два аспекта (ипостаси): свет и жар. Причём «Те, кто родною чувствует ипостась света (как средиземноморцы: эллины, отчасти итальянцы), для тех парой огню-свету выступает **форма**, фигура, твёрдое тело, очерчиваемое лучами, пластика. Отсюда – идеи – эйдосы (буквально – “виды”, “видения”) Платона, которые суть свето-вещи; формы Аристотеля; Бог как Логос и Свет неоплатонизма и Евангелия от Иоанна. Отсюда и в математике – геометрия, фигурные числа пифагорейцев, пластика (архитектура, скульптура) в искусстве. Подобно этому – и в итальянском дискретном космосе сияющей пустоты и камня – атома – индивида в нём. И в русском космосе свет (а не тепло) – сверхценность: “белый свет”. И “мир” есть “свет”, и человек любимый – “свет ты мой”» [Гачев, 1993а, с. 69-70].

Согласно предлагаемой Г.Д. Гачевым [1991а, с. 25] методике, национальные космо-психологосы могут быть описаны совокупностью свойств, находящихся в различных пропорциях, иерархии, сочетаниях: «Иерархия четырёх стихий: вода, огонь, земля, воздух; причём огонь – как свет или жар; мужское или женское; ургия (трудом сотворённость) или гония (рождённость естеством) всего в бытии; прямая или кривая; вертикаль или горизонталь; даль или ширь; зенит (высь, полдень) или надир (глубь, полночь); свет – частица или волна; время или пространство; пустота или полнота; дальноедействие или близкоедействие; интровертность (психики) или экстравертность; “тяги” или “толкай” – как причина движения; иерархия чувств: осязание, вкус, обоняние, зрение, слух; музыка или живопись; рисунок или цвет и т.п.».

Для описания образов мира могут быть использованы и другие характеристики, включающие такие противопоставления, как пространство или время, верх или низ, даль или ширь, объём или поверхность, Дом или среда, форма или материя, Труд или Жизнь, происхождение или назначение, история или эволюция, причина или цель, исследование (для себя) или изложение (во вне), лекция или беседа, система или афоризм, мысль как здание или мысль-пробег (*discours*), доказательство или очевидность, теорема или аксиома, рефлексия или авторитет, опосредование или достоверность, внутреннее или связи-отношения, индивид или социум,

необходимость и свобода или судьба (предопределение) и случай, теория или картина [Гачев, 1988]. Любые образы мира, по мнению Г.Д. Гачева, описываются одной и той же совокупностью характеристик; различия же заключаются в доминировании тех или иных черт. Выявить такие черты можно в сравнении данного космо-психо-логоса с другим космо-психо-логосом. При контактах же данного народа с другими народами национальное своеобразие его образа мира высвечивается уже явно.

Надо сказать, что методика проработана Г.Д. Гачевым не очень хорошо; в ней много субъективности, надуманности (в буквальном смысле), о чём сам он нередко упоминал. Он указывал на следующую принципиальную особенность своей методики. Так, первобытное мышление структурирует мир совершенно иным образом, чем цивилизованное, рационалистическое мышление. В первобытном мышлении связи имеют конкретный, индивидуализированный характер, нет обобщения, абстрагирования. И тут возникает дилемма. Если использовать универсальную исследовательскую методику, то при описании конкретного космо-психо-логоса неизбежно пропадут яркие характерные частности, останется одна универсальная схема. Если же описание космо-психо-логоса не связывать с какой-либо универсальной методикой, то каждый космо-психо-логос получится настолько своеобразным и не похожим на другие, что у нас не будет общих свойств и параметров для их сравнения. Каким-то выходом из этой дилеммы будет сравнительное описание национального своеобразия, то есть это описание будет основываться на сходствах и различиях. И вот здесь проявляется главный недостаток методики Г.Д. Гачева – в ней все различия сводятся к *бинарным противопоставлениям*, что обедняет характеристику космо-психо-логосов.

Также многие черты, характеризующие космо-психо-логосы, связаны между собой. Так, «Пространство – светово, с видимостью сопряжено. Время – с ночью, невидалью, мраком. Так что все мои пространственные координаты, разработанные для свето-видных космосов: даль, ширь, вертикаль, горизонталь и т.п., – здесь так же отказываются работать, как и различения на мужское и женское, которые здесь снял язык; несущественно тут все это» [Гачев, 2003б, с. 301]. Получается, что если в языке отсутствует категория рода, то различие между мужским и женским несущественно, но в исследовательской методике оно обязательно должно применяться, что вносит искажение в характеристику космо-психо-логоса.

3.1. Русский космос (мир)

Смысловая связь стихий, тел и существ русского космоса осуществляется *воздухом* – это «стихия-соединитель», занимающая пространство между небом и землёй. Вследствие чего *горизонталь* важнее вертикали, а *даль* – выси [Гачев, 1988, с. 232]. То есть в русском представлении мир параболичен, разомкнут по горизонтали, и человек духовно уносится в сторону. Так, в русском языке земля, территория обозначается как *страна*, то есть сторона, бок («родимая сторонка») [Гачев, 1988, с. 117]. Со *страной* в русском языке сопряжено и *пространство*, чего нет в других языках: французские *espace* и *paus* (от *pagus* – село, волость), немецкие *Raum* и *Land*, английские *space* и *land* (Гачев 1993а, с. 39).

Беспредельность – важнейшая характеристика русского мира [Гачев, 1988, с. 342]. Беспредельность космоса даёт возможность любому найти незанятое место. Она обуславливает рассеянное состояние русского космоса, и Россия воспринимается как *Рассея* – страна рассеянного бытия. Таким образом, на Руси движение происходит в силу *отталкивания*, а не притяжения (как в английском мировоззрении), результатом которого будет *разрежение*, а не сгущение [Гачев, 1991а, с. 88]. В эллинском и в западном представлениях беспредельность возникает из процедуры деления, то есть эллинская беспредельность основывается на существовании бесконечно малого, но «опыт русского мироощущения скорее выводит идею беспредельного из того, что нет меры расширению бытия, нет конца-краю движения на Руси, – т.е. скорее из наличия бесконечно большого, необъятного, возвышенного» [Гачев, 1988, с. 342–343]. Звуки, вещи переносятся по горизонтали *ветром*, который есть «незаменимый спутник Дороги» [Гачев, 1988, с. 233]. Своей беспредельной деятельностью ветер срывает упорядоченность, под которой обнажается вечный хаос.

Как Русь заключает в себе потенциал бытия, проявляющийся в становлении, пути, так и ветер – это облик потенциального, возможного бытия, становления и пути: «Ветер, что в устроенном мире, в любом занятом месте – даже в сердце – *роет* пустоты и просторы, разверзает возможности, есть сеятель возможностей по бытию. А тем, что *уносится* вдаль и тянет за собой, – глаголет о нереальности всякой оконченной действительности, жизни и существа – и тогда они бросают всё, срываются с места и идут за ним в дорогу – в манящий мир открытых возможностей, и находят в этом движении высшую реальность, истинную действительность» [Гачев, 1988, с. 344]. В России *даль* важнее шири, а *дорога (путь)* – это как раз и есть образ векторизованной дали [Гачев, 1988, с. 85]. Сам *путь* есть расширение мира, и передвигаются

по пути *странники* (коренная связь со страной и пространством), которые соучаствуют в расширении беспредельности [Гачев, 1988, с. 341].

Ещё путь – это модель русского *движения*, которое есть «**Путь-дорога** от порога в бесконечность по горизонтали равнины» [Гачев, 1998, с. 26]. Но в расширяющемся бытии важно не начало, а завершение, предназначение [Гачев 1993а, с. 47-48], и о конечных целях русское мышление имеет своё собственное представление: «Если в эллинстве царит *энтелехия* (тождество, закруглённость причины и цели, сведённость концов и начал); если в Западной Европе царят *причина* (германский, деятельно-духовный мир), *факт* (английский, практический мир), *цель* (романский, французский социально-человеческий мир – ясная цель), то Россия полна надежд, любви, обетований, залогов – в этом её богатство: в том, что она вечно *накануне...*» [Гачев, 2008, с. 106].

Учитывая, что вариантом *порога* является *берег*, причём только *один* берег, то есть морской [Гачев, 1988, с. 243–244], то образ русского движения будет более сложным, включающим такие архетипы, как «*берег, порог* и *канун*, причём *берег* не как *приплытие*, а наоборот, как *отплытие*; *порог* – не как *приход*, а как *выход* из дома в путь-дорогу (ибо места Абсолюта на Руси – в Дали, и Бог – вдали, а не наверху); и *канун*: душа русского вечно накануне, в ожидании главного события и разрешения всех мучительных проблем, она эсхатологична, а символическим изображением её может служить геометрический “луч”, однонаправленная бесконечность: $\rightarrow \infty$ » [Гачев, 1988, с. 421].

Космос составляют стихии, и Г.Д. Гачев предложил две версии их иерархии в русском мировоззрении: огонь (свет), вода, воздух, земля [Гачев, 1988, с. 345] и земля, вода, воздух, огонь (свет) [Гачев, 1998, с. 53]. Противоположная направленность иерархий в этих версиях говорит о том, что основные стихии свет и земля почти не связаны между собой посредниками, один из которых (воздух, ветер) также почти самостоятелен, а у земли сильная связь с водой.

Свет почитается в России как божественная стихия: он появляется «*из дали, на пороге* дня и ночи. Свет, из дали являющийся, есть именно свет: падает на наш глаз, в горизонталь направленный. Когда же он падает сверху, он уже не свет, а огонь и соотносится не с окном души – глазом, но со слепым телом: греет его, жжёт, испаряет и сушит, оземляя воздух дымами» [Гачев, 1988, с. 221-222]. Свет отождествляется с миром. Мир – это космос, вселенная, но также мир – это человеческая община. Обращения: ваша светлость, ваше

сиятельство, свет мой и титул – светлейший князь либо характеризуют положение человека в социальной иерархии, либо подчёркивают близость людей.

Свет в русском космосе есть «творящая сила мира, единый деятель в нём, “действующая причина”, как называл это Аристотель, – совпадал бы со светом в смысле “наш свет”, т.е. с самим миром: ибо он (свет) – и его материальная причина (всё из себя соткать может), и действующая» [Гачев, 1988, с. 205]. Свет непосредственно связан с ветром, так как «свет приходит к нам световым ветром, и, вдыхая ветер, душа просветляется. Недаром высшими русскими символами являются белый снег, парус, лебедь – т.е. то, что светится и летуче» [Гачев, 1988, с. 286]. Более того, Г.Д. Гачев считал, что их связь проявляется и в словах. Так, **с-вет** и **вет-ер** имеют одинаковые части.

Земля как стихия неотделима от воды; она – мать-сыра земля. И в русском представлении мир – это *материк*, протяжение *матери-сырой земли*. Форма может быть придана твёрдой материи, а в русском представлении собственно твёрдого агрегатного состояния вещества нет, но есть водоземля (мать-сыра земля). Отсюда впечатление о бесструктурности, аморфности мира [Гачев, 2003а, с. 223]. Получается, что «у нас вообще принцип меры = формы = предела не принят, не родим: у нас всё – безмерное, беспредельное, не любим закрепощения оформлением, и как “ляса у нас немеряные”, так и время – немеряное, и не жалко его: как простор оно – бесконечно аргіогі полагается. Да, в русском априорном чувстве Пространства и Времени они исходно полагаются принципиально бесконечными, тогда как западный человек сопряжёнными с ними чует жёсткую меру, форму, предел – ещё с эллинства так...» [Гачев, 1997, с. 131].

Вот и направлена русская мысль на внутренность вещей, и в российской науке в приоритете оказались химия, электродинамика, атомная физика, растениеводство, а в пренебрежении – механика и зоология [Гачев, 1993б, с. 115]. Вода в русском представлении находится на земле (а не земля на воде), и она текучая, а не стоячая [Гачев, 2008, с. 66]. То есть вода по русскому мировосприятию – это река, которая заявляет о себе простором разлива и бесшумной плавностью течения. Река в России – это путь, связь, «соединение родимых *сторон* в *страну*». Речной мир туманный, а вещи, существа, пространства расплывчаты, переливаются, взаимно переходят друг в друга по краям [Гачев, 1988, с. 127–132].

Итак, в русском представлении мира «Нет идеи края как конца и формы, но именно как начала отлёта в торжествующее бесформье» [Гачев, 1988, с. 219]. Из животных для русского мировоззрения особое значение имеют лебедь, конь и медведь. Так:

- Лебедь – это русская священная птица, сотканная из света, воздуха и воды и воплощающая в себе размытость и переходность [Гачев, 1988, с. 234];
- Конь соотносится со стихией воздуха (ветра), и он образ пути, скорости и быстроты [Гачев, 1993б, с. 118];
- Медведь по значимости выше коня, и его можно соотнести с землёй.

На Руси растения почитаются не в отдельности, а лес в целом. Но если брать отдельные деревья, то это белая берёза – дерево света и девичества [Гачев, 1993б, с. 165]. Образ растения ближе русскому человеку, чем образ животного. Так, он «по космосу родню видит в *растении*: лесе, дереве, траве (и с этим сравнения в русской литературе о жизни и смерти человека: “и дни мои как злак сечёт” – Державин, “мгновенной жатвой поколенья...” – Пушкин, “человек живёт, что трава растёт” – Горький в “На дне”, и т.д.), без зазрения совести едят мясо животных, ибо они – более дальняя родня, и существование здесь протекает не как жизнь (живот), а как растение, прозябание; в Индии же, где человек видит свою ближайшую родню в животных, мясо не едят, и употребляют травы (чему Никитин дивится), и народ – вегетарианец» [Гачев 1993а, с. 114]. Приросшие к месту, деревья по контрасту с реальностью мечтают о прекрасном бытии – воля, даль, путь-дорога и странничество [Гачев, 1997, с. 147].

3.2. Русская психея (душа)

По мнению Г.Д. Гачева большое значение для русского народа имеет климат, который холоден и заставляет людей прижиматься друг к другу, спланиваться в общину (мир) [Гачев 1993а, с. 98]. Именно община, собор, артель, братство и будут субъектом в русской философии [Гачев, 1988, с. 276]. Но если быть точным, то в русском мышлении мир невозможно разделить на субъект и объект, есть только расплывчатый и неопределённый образ, в котором нет различия между природой и историей, мыслью и веществом [Гачев, 1988, с. 264-265]. По мнению Г.Д. Гачева [1988, с. 324-325], именно из этого марева проистекает идея *всеединства* В.С. Соловьёва¹³.

Образом всеединства может служить стихия воды, в которой соединяется как идея жизни, входящая в человека семенем, влагой, эросом, так и смерти, уносящей нас в мировой Океан.

¹³ Однако дальнейшая понятийная разработка превратила её в *органицизм*, имеющий мало общего собственно со *всеединством*.

Соединяет же жизнь и смерть, начало и конец – любовь, которая есть слияние, то есть осуществление единства, образ которого вода. Поэтому «В акте любви мы узнаём, что вся наша земля и форма нанизана на эту мировую реку, сквозь нас текущую, что мы сосуд. И вся земля такой проходной сосуд. Значит, любовь нам дана и как гносеологическое состояние, в котором мы постигаем бытие как всеединство и общую жизнь. Эта же идея как стихия и материя есть вода. И любовь – пророк её» [Гачев, 1988, с. 288].

Г.Д. Гачев утверждал о нечёткости различий функций мужского и женского в русском мировоззрении «мужик здесь очень часто – баба, а женщина отличается мужеством, коня на скаку остановит и сейчас трудится наравне с мужчиной и больше...» [Гачев 1993б, с. 99]. Эти функции, по мнению Г.Д. Гачева, следующие: женское начало активно, огненно-влажное, а мужское – влажно-духовное; женское начало отвечает за природу, рождение, род, мужское начало проявляется в городской жизни.

Рождение, точнее, зачатие невозможно без эроса, который свой особый в каждом национальном космосе, и он определяется вертикалью: Небо (мужское) – Земля (женское). Но в России – стране горизонтали вертикаль эроса перекашивается на ширь и даль, страсть расплывается необъятному пространству; остаётся путь-дорога, разлука, тоска, несостоявшаяся любовь [Гачев, 1997, с. 623]. И эта любовь происходит «везде и каждый раз – отсылно: не здесь и не сейчас: любовь – состояние не **присутствия**, а **отсутствия**. Это и буквально подтверждает, что в России воплощение, связь частиц в тело (семью) не из притяжения, а из отталкивания: и двое вместе не потому что они здесь при общей им сути, а оттого, что оба – вдали от своих сугубей, гонимые, на краю бытия случайно сошлись и сцеплены» [Гачев, 1991а, с. 90].

В другом аспекте женское и мужское выражаются в образах Отца и Матери. И вот на бытовом уровне в России отец важнее матери, что отражают слова *отечество*, *сын отечества*, *безотцовщина*, тогда как *маменькин сынок* является пренебрежительным выражением. В России царь – батюшка, и поп – батюшка. Сфера официально-государственного словоупотребления также указывает на важность отца: *отечество*, *отчизна*, *Отечественная война*, *патриотизм* [Гачев, 1988].

Отечеству противопоставляется Родина, которая – родина-мать. Осуждается измена родине, а не отечеству или государству. И страна – Россия-матушка, и земля – мать-сыра земля. А

главная река – Волга-матушка. В обращениях: земляк, земля, зёма подчёркивается одинаковый статус собеседников, а не разный, как в «световых» обращениях. То есть на метафизическом уровне мать важнее отца.

На основании, на котором Отечество противопоставляется Родине, Г.Д. Гачев развил концепцию, отличную как от концепции болезни европейничанья Н.Я. Данилевского, так и от концепции псевдоморфозы О. Шпенглера: «в Русском Космосе три главные агента Истории: Россия = мать-сыра земля, а на ней работают два мужика: Народ и Государство-Кесарь. И оба начала ей необходимы. Народ – это тот малый, что протягивается по горизонтали: из Руси – всю Россию собою покрыть напрягается, хотя и убогий числом-населением: мал да удал! Но – и бегл, не сидит-стоит на месте. Потому и понадобилось жёсткое начало власти, формы, порядка – и оно естественно с Запада натекло. Оттуда же – индустрия (огнеземля промышленности) и город. Народ = воля, а Государь(ство) = закон. Меж ними и распялена Психея России, душа русской женщины. Недаром в русском романе при ней два героя, что реализуют эти ипостаси: Онегин – и Генерал при Татьяне, Вронский и Каренин-министр при Анне, непутевый, бесСТАНный Григорий и есаул Листницкий при Аксинье, поэт-доктор Живаго и комиссар Стрельников при Ларе и т.д.» [Гачев, 1997, с. 623].

Эта ситуация на языке стихий может быть описана так. Россия – мать-сыра земля, то есть как стихия она водоземля, беспредельная, безграничная, аморфная, на которой находится беспредельное пространство. Но водоземле недостаёт огня и воздуха, которые должны ограничить, определить аморфность формой, а пространству необходимо время, чтобы задать ритм истории, которая движется трудом [Гачев, 1997, с. 622]. Но народ воспринимает труд как повод «для психейного общения людей» в артели, и это общение важнее экономического эффекта [Гачев, 1997, с. 123]. Нет у народа установки на равномерный труд с полной нагрузкой, а есть либо бездействие большую часть времени, либо авральный труд в короткие, критически важные периоды [Гачев, 2008, с. 299]. Но государству, находящемуся в окружении динамичных и агрессивных народов, нужно быстро устроить защиту границы и заселить и цивилизовать обширное пространство. Но сделать это путём естественного размножения инертного народа можно лишь за десятки тысяч лет [Гачев, 1999а, с. 341].

Получается, что у народа и Российского государства изначально были (и есть) разные темпоритмы: «Народ тяготеет к натуральному развитию медленным шагом времени, что органично для русского медведя (кому ещё и в спячку надо погрузиться долгою зимою) или

даже мамонта – таким животным телам могут быть народ и страна русская уподоблены. И это естественно, что ритм сердцебиения и кровообращения и всех функций в таком огромном туловище должен быть иным, нежели в средне-нормальных зверях – таких как волк Германии, лиса Франции (*maître Renard* Лафонтена) или дог Англии. Но соседство с Западом и вплетённость в историю Европы подстёгивали, и, к страданию для народа и жизни индивида – капилляра в нём, мера, скажем, волка (“аршин общий”) навязывалась нашему мамонту-медведю как нормальный пульс, и вытаскивали его на ярмарку-Рынок плясать чужемерно и неуклюже, на посмешище. А если не поспевал, подгоняли его кнутом и насилием: слово “ускорение” у Государства на устах.

Так и сложилось веками, что русский человек свыкся трудиться не столько движимый своей охотой к зажиточности (он привык довольствоваться малым, как и свойственно мудрому: Сократу, Декарту и Ивану-“дураку”), но исполняя наряд организующей воли Державы. Так что “командно-административная система” есть не прихоть на потеху нынешним острословам, но работающий костяк-остов, присущий Космосу России. Позвоночники Государства и Народа искривлены навстречу друг другу и образуют арку хозяйства у нас, которая тем и крепится, что оба устоя не самостоят колоннами, но падают друг на друга. Отсюда очевидно, что расчет нынешних реформаторов России: распустить государственную организацию экономики в надежде, что русский человек враз воспламенится Эросом труда и станет рыночно вкалывать, вождедея жить, как американец, – без понимания Космо-Психо-Логоса России и темпоритмов русской жизни принят» [Гачев, 1999а, с. 341-342].

3.3. Русский логос (мысль, слово)

Как полагал Г.Д. Гачев [1999а, с. 342-343], русский логос в целом включает четыре компоненты, формируемые логосами России-Матери, Народа, Государства и Личности, и каждый из них имеет свою логику. Так, Россия – это островки жизни, разделённые пространством, с отсутствием связи и дорог. На уровне мышления это выражается в слабости связи между утверждениями, слабости среднего термина в силлогизме. Рассудок, работающий путём последовательного опосредствования звено за звеном, в русском мышлении не работает («умом Россию не понять»). Здесь лучше работает мышление, способное перепрыгивать от одного утверждения к другому. Поэтому самостоятельная и самобытная философия в России не возникла, и она соединяется с художественной литературой или религией.

Государство в России как оформляющий принцип порождает догматический рассудочный Логос, который в жизни поддерживает формализм, бюрократию, план, культ научности. Вестернизированная интеллигенция копирует Запад, пропагандирует различные идеи, заносимые с Запада. Собственно, «Кесарево начало власти, закона и формы у нас не первовырабатывалось, а уж пришло готовым, как итог и результат, с Запада (и мы не посвящены в те поиски и мучения тысячелетневековые, в которых эти итоги и законы, и формулы так же мучительно рождались), закон, аппарат и ихний Логос, – рассудок обретает невольно догматическую, недвижимую форму: тезисов, положений веских и жестких: “так надо!” – и послушания науке и логике, и идеологии, и правой вере: “молчать! не рассуждать!” – за тебя уже рассудили люди знающие, что ТАМ – наверху...» [Гачев, 1997, с. 623].

Поэтому Государство, рассматривая индивидов в качестве своих функций, рассылает различные директивы и т.п., но обратная связь очень слабая: «Видны начала (“начальство” – наши “архай” – приЧИНЫ), а концов не сыщешь – и ответа нет (и ответственности: отвечать некому никогда), как Поэту – в “Эхе” Пушкина: “Тебе ж нет отзыва...” Потому Суд слаб (как и расСУДок тут слабо работает), и непонятна ценность и поприще Закона и Судебной власти. И верно: для их работы нужна **определённость** космоса и социума: чтоб было о что отражаться мерам, актам и предприятиям, а не беспредел – бесконечность и неслышимость отзвука» [Гачев, 1998, с. 224].

А Народ – безмолвствует, «И лишь молчание понятно говорит» (В. Жуковский. «Невыразимое»). Но Государство требует ответа, который не находится народом, и «В России лишь **“мёртвые сраму не имуть”**, а живой, пока живёт, всё стыдится, что жив, и торопится **“в последний смертный бой”**, иль **“и, как один, умрём в борьбе за это”**, в высшей степени неопределённое, как бытие; наверное, само бытие под этим “это” и имеется в виду. Потому в России без вины виноватые вопрошают безответно: “Кто виноват?” А виноваты уже тем, что живут. А литература полна исповеданий – как оправданий, извинений человека перед истиной, что вот ещё живёт, коптит, а зачем – не знает. И у Горького в “На дне” точно: **“Что это человек всё как перед судьёй стоит и всё оправдывается”**...» [Гачев 1993а, с. 111].

В пространстве трёх сверхличных логосов: России, Государства и Народа логос Личности пытается «мукой понять непонятное» и «объять необъятное» [Гачев, 1999а, с. 342–343]. Сам процесс русского мышления начинается с отрицания, отвержения, а в качестве отрицаемого тезиса, как правило, берётся утверждение, пришедшее с Запада. Разогревшись в критике,

русский ум бросается на поиск положительного утверждения. Оно долго ищется, но чего-то определённого и чёткого не находится, и уже сам путь поиска становится ценностью (Гачев, 1999а, с. 344). Соответственно, «истина в итоге осуществляется и достигается не в точке (определённом месте), но в вечном пребывании в пути» [Гачев, 1988, с. 120]. Таким образом, формула русской логики имеет следующий вид: «не то, а ... (что)», в которой можно увидеть несколько нюансов, сложно переплетающихся между собой.

Во-первых, отрицание и противопоставление возможны, если мир представляется конечным, целым, завершённым, а если он бесконечен, то чуждая идея просто отталкивается, а не отрицается [Гачев, 1988, с. 284]. То есть чуждая идея не находится ни в какой связи (диалектической, антиномической и т.п.) с идеей, которую ищет русский мыслитель как гармоничную с его мировоззрением. Таким образом, русская мысль рассматривает каждое утверждение как абсолютное и независимое, не соотносимое ни с какой другой мыслью, соответственно, разные мысли не исключают друг друга, и потому они не требуют согласования [Гачев, 1988, с. 294].

Следствием *абсолютизации* утверждений является их *несбыточность* [Гачев, 1988, с. 107-108]. Несбыточность – это ещё и бесконечность, и безответность, и отрицание [Гачев, 1988, с. 107]. Отсюда также необоснованность (неосновательность) утверждений: «русский Логос никогда не уверен в своих утверждениях. Тезисы, убеждения, когда даже с вызывающей самоуверенностью провозглашаются, носят характер самозаклинаний» [Гачев, 1999б, с. 90]. Русское мышление представляется неограниченным, незавершённым, находящимся в непрерывном поиске [Гачев, 2003б, с. 105]. Поскольку *определение* есть ограничение беспредельного, то неограниченному, беспредельному русскому логосу свойственно выстраивать высказывания на отталкивании и отрицании [Гачев, 1988, с. 344]. Получаемые ответы – они не окончательные, и незавершёнка не только в строительстве, но и в мышлении, и «задушевная мечта русская – начать всё снова, жизнь – сначала! Разрушим – и построим наконец то, что надо! И не устаём – **начинать!**...» [Гачев, 1999а, с. 344-345].

Во-вторых, в русском мышлении выработан оригинальный способ связывания разных утверждений: не соединять – как в западной логике, а *сопрягать*, то есть при сопряжении¹⁴ не отменяется независимость каждого высказывания [Гачев, 1999б, с. 92]. И сопряжение не

¹⁴ Эта процедура позволяет связывать *эквивалентные* (равнозначные) оппозиции, в которых оба члена логически равноправны [Трубецкой, 2000, с. 80].

делает связь между разными понятиями, утверждениями прочной. Так, «Как раз наличие среднего звена (“средний термин” в силлогизме Аристотеля) и позволяло именно **соединять** разные понятия. То, что Гегель называл опять же “опосРЕДствованием”. Французский ум акцентирует роль *среды*, в Китае – ПОДнебесная, в Индии – “средний путь” в буддизме. Ещё и Гораций середину называл “золотой”. В России же – зияние между полярностями, слабо заполненное, шатучее, сдуваемое, призрачное. И не созидающее упругость между полюсами, а разъедающее их устойчивость» [Гачев, 1999б, с. 99]. Собственно, нацеленность на сопряжение утверждений обуславливает отсутствие стремления к чёткому определению терминов и понятий, и интерес к их связи и взаимопереходу [Гачев, 1999б, с. 102].

В-третьих, логика равнинного (общинного, соборного) логоса, полагающая, что все – равны и одинаковы, требует единодушия и единомыслия, жизни одним умом и душой и сердцем [Гачев, 2002, с. 190]. И в достижении этого единомыслия происходит жестокая и страстная критика и полемика между разными группами: западниками и славянофилами, народниками и марксистами, демократами и партократами [Гачев, 1999а, с. 344]. Также формулу русской логики можно разделить на три акта:

Первый: «не то», выражающий отвращение души от чуждого;

Второй: «а», выражающий противопоставление, сосредоточенное в точке «я», из которого исходит волевой, побудительный, позитивный импульс;

Третий: «...», выражающий устремление в простор, бесконечность, открытость [Гачев, 1991б, с. 211].

Итак, основные черты русского мышления заключаются в следующем: «Очевидность, открытость, всевосприимчивость, распаханность, незавершённость, поисковость, отсутствие начал и концов, зато способность начинать сразу, *in medias res*, танцевать не от печки; невозможность силлогизма, зато развитие иных, незамкнутых форм мысли; отсутствие чётких оппозиций: добро-зло, правый-левый (возможных при определённом, завершённом космосе народа); устремлённость рассуждения не в изыскание причин и происхождение вещей, а в их призвание; допущение самостоятельного бытия разного, и отсюда толстовское “не соединять – сопрягать надо” (“сопрягать” – это и есть приноравливаться); большее упование на неизведанные возможности жизни, случай в ней (“везение” и “авось”), чем вера в жёсткую необходимость и предусмотрительность» [Гачев, 1988, с. 182–183].

* * *

Все эти особенности русского мировоззрения, души и мысли; структуру русской души и формулу русской логики Г.Д. Гачев воспринял не как проявления болезни или

псевдоморфозы, а как естественное состояние, в котором «Любопытство к иностранному (то же – приветливость, гостеприимство к чужеземцу) – есть не корь временная, но метафизическое русское состояние» [Гачев, 2004б, с. 296]. Но он сам же отметил: «И вот что всегда было удивительно: при полном привечании иностранца, впитывании его, понимании, согласии, что совсем мы негодящий худой народец, – с готовностью эту “самокритику” выдавал русский мужичок, – при всём этом усмешечка какая-то и себе на уме чуялась в этой, кажется, безусловной податливости» [Гачев, 2004б, с. 297]. Поэтому вопрос о причине такого состояния и возможности выхода из него всё-таки требует детального исследования.

4. Археомодерн

Хотя А.Г. Дугин¹⁵ [2011а, с. 60] полагал, что его термин *археомодерн* является синонимом термина *псевдоморфоза* О. Шпенглера, но с этим отождествлением полностью нельзя согласиться. Так, в псевдоморфозе противопоставление между формой и содержанием – это противопоставление по культурному, национальному признаку, когда культурное содержание данного народа вливается в заимствованную чуждую культурную форму. Тогда как в археомодерне происходит наложение мировоззрения премодерна (традиционного общества) на мировоззрение модерна (индустриального общества), а премодерн и модерн, по мнению А.Г. Дугина, – это универсальные структуры, не имеющие национальных особенностей.

Как полагал А.Г. Дугин [2011в], существуют два основных способа образования археомодерна: *колониальный* и *оборонный*. Колониальный археомодерн сформировался путём колонизации европейскими странами неевропейских обществ Америки, Азии, Африки. В колониях модерн представляли европейцы и примкнувшие к ним аборигены, усвоившие социальные установки европейцев, а основная часть населения так и продолжала жить в соответствии с архаическими устоями, традициями и обычаями.

В случае оборонной модернизации правящая элита добровольно перенимает элементы западного общества с целью защиты от потенциальной агрессии Запада. В результате формируется псевдоморфоза, признаками которой будут «рассогласование европеизированной культуры элит и архаической культуры масс, отчуждение от собственных исторических начал, появление “колониального” класса, искажение и блокировка процессов естественного развития, прерывание органических циклов. С социологической точки зрения

¹⁵ Александр Гельевич Дугин (род. 1962) – русский философ, политолог, переводчик, социолог и общественный деятель.

результат был вполне сопоставим с колонизацией» [Дугин, 2011в, с. 77]. На этот путь в XVIII веке встали Российская и Османская империи.

Структура археомодерна схематизируется А.Г. Дугиным как соотношение логоса и мифоса, рационального и иррационального, сознания и бессознательного. Собственно, «Человек в обществе археомодерна живёт в постоянном противоречии между социальным статусом и психическим процессом. Ни один из статусов и ни один набор статусов не открывает пути для реализации душевных архетипов. Такое рассогласование свойственно и высшим стратам и низшим. Низы такого общества имеют миф, но у них нет возможности перевести его в зону логоса. А верхи имеют логос, но обескровлены внутренне и страдают психической недостаточностью» [Дугин, 2011а, с. 46].

Модерн затрагивает преимущественно философские, культурные, социальные, политические, экономические и технологические стороны общества. Причём в западном обществе модерн рассматривает архаику (премодерн) как предрассудок и пережиток, который надо истребить. В обществе археомодерна модерн блокирует архаику, загоняя её в сферу бессознательного. Архаика же имитирует согласие с модерном, превращая его содержание в абсурд и бессмыслицу, вследствие чего у людей возникают неврозы, психозы и другие расстройства.

По представлению А.Г. Дугина, археомодерн есть болезнь, но она не может быть излечена в пользу модерна, то есть путём искоренения архаики, так как вполне возможно, что модерн не есть судьба русского народа: «В археомодерне, через археомодерн, сквозь него русское общество упорно и последовательно саботирует западноевропейскую судьбу, осмеивая или превращая в пародию и безобразие любые процессы модернизации. Не потому, что мы её не понимаем, а потому, что мы её не принимаем. А если её нам навязывают жёстко, то “русская структура” отвечает нигилизмом – прямым или завуалированным» [Дугин, 2011а, с. 81]. Поэтому преодоление (излечение) археомодерна возможно на основе русского логоса, то есть путём построения в согласии с собственной архаической структурой своей социально-политической модели и культуры.

Но проблема в том, что, по мнению А.Г. Дугина [29146], логос представлен тремя разными архетипами: Аполлона, Диониса и Кибелы (Великой Матери), которые соотносятся с

мифическими режимами Ж. Дюрана¹⁶ и другими ноологическими выражениями. Характерные черты логосов и соответствующих им мифических режимов следующие. Режим диурна характеризуется солярностью, маскулинностью, патриархальностью, воинственностью, героизмом, аскетизмом. Он оформляется вертикалью¹⁷ и прямыми линиями. Общество организовано монархически и руководится солярными жрецами. Для мышления характерны ноэзис и диайрезис. Олицетворением этого режима являются свет, день и лето.

Режим драматического ноктюрна характеризуется андрогинностью, сыновством, эротизмом, артистизмом и игрой. Он оформляется горизонталью и циклическим движением. Общество управляется кастой воинов. Для мышления характерны эвфемизация и сопряжение противоположностей. Олицетворением этого режима являются сумерки, а также весна и осень. Режим мистического ноктюрна характеризуется феминностью, материнством, конформизмом, миролюбием, адаптируемостью. Он оформляется кривыми линиями. Общество управляется матерями (женщинами) и жрецами (скопцами) культа Великой Матери. Олицетворением этого режима являются вода, земля, тепло, ночь, зима, дерево.

В годовом календарном цикле каждый Логос занимает свой определённый промежуток, а смену сезонов, по мнению А.Г. Дугина, можно интерпретировать как проявление космической войны. С этой точки зрения историю можно рассматривать как большой сезонный цикл, в котором есть своя весна, лето и т.д. В каждую эпоху присутствуют все Логосы, но доминирует только один из них, что обуславливает характерные ноологические черты эпохи. Например, в эпоху Аполлона осуществляется ориентация на вечность, бытие; нет истории, понимаемой как последовательность событий, связанных друг с другом, но есть событие, представляющее собой неизменную эпифанию небесной вечности; прославляется героическая жизнь.

В эпоху Диониса поддерживается баланс между вечностью и временем. Время священно, открыто, и из него можно уйти в вечность. Много времени занимают празднества, мистерии, экстаз, которые чередуются с периодами скорби. В эпоху Кибелы характерны монотонность, массивность, гигантизм. Время тянущееся, из которого не выйти. Собственно, наша эпоха с нездоровым интересом к материи – это царство Ночи [Дугин, 29146].

¹⁶ Жильбер Дюран (Gilbert Durand; 1921–2012) – французский социолог, антрополог, религиовед, исследователь форм и функций воображения.

¹⁷ Собственно, это нисходящая вертикаль.

Как полагал А.Г. Дугин [2013], указанные типы Логосов связаны с тремя типами логических оппозиций: эквиполентными, градуальными и привативными. В любой философской или научной конструкции можно обнаружить все типы Логоса, но, так сказать, в разном соотношении. Также и на любом культурном пространстве может быть построена вертикальная топика Логосов, то есть каждую культуру можно представить как проекцию трёх Логосов. Соответственно, в конкретных культурах эти Логосы выражены в различной степени и в разных соотношениях.

По сложившимся историческим представлениям полагается, что западная культура формировалась в средиземноморском регионе. Полагается, что исходно в ней доминировал Аполлон, которому полностью была подчинена Кибела, а Дионис, осуществлявший коммуникацию между ними, передавал эйдосы и другие небесные прообразы земным существам. Кризис античного и средневекового Запада – это кризис уранического Логоса, кризис западной цивилизации в целом, а Постмодерн – это агония Запада. Новое время – это прометеевская эпоха, победа хтонических сил, финалом которой должно стать правление женщин [Дугин, 2014а].

В Новое время в Европе доминирует хтонический Логос, в контексте которого организация мира представляется следующим образом: 1) в основе всего лежит материя, 2) которая тождественна бытию и 3) обладает творческой мощью, поэтому 4) весь мир состоит из материи, в котором 5) отдельные вещи развиваются в духовном и умственном направлении, 6) время материально, линейно и бесконечно, однонаправленно, 7) дух относителен и имеет материальную основу, 8) наличествуют эвфемизм и антифраза, 9) изменяются формы, но не материя; есть причина изменений, но нет цели. Поскольку 10) материя есть количество, многое, следовательно, 11, 12) всё есть атомы в пустоте, 13) в материи все равны, 14) целью является умножение количества, 15) цель и смысл бытия есть в обладании чем-то. Таким образом, хтонический Логос основывается на 16) абсолютном материализме. В его контексте 17) более совершенное воспринимается как смешное, а также считается, что 18) реальность пропорциональна материальности, 19) миров бесконечно много, а 20) материя – это основа всего, которая лежит всегда на ступень ниже, поэтому она никогда не обнаруживается [Дугин, 2014б, с. 383–385].

Большое значение для ноологии А.Г. Дугина [2017а, б] имеет схема Ж. Дюмезиля¹⁸, в которой индоевропейское общество имеет трёхфункциональную структуру, олицетворяемую в жрецах, воинах и производителях. Первая функция включает область сакрального, суверенную власть, осуществляемую в соответствии с волей богов, и познавательную область, связанную с сакральной сферой. Эта функция символизируется небесными светлыми сущностями, обладающими мудростью, властью, справедливостью. Вторая функция включает область физической силы, применяемой в военной сфере. Она символизируется промежуточными богами-помощниками, примыкающими в большей степени к небесным богам. Третья функция включает области человеческой и природной деятельности, связанные с размножением, здоровьем, богатством, мирной жизнью. Она символизируется хтоническими божествами, обладающими богатством, страстью, магией, эротизмом (женские существа).

Трёхфункциональная структура общества воспроизводится в истории, поэтому она представляет собой стилизованный миф. По мнению Ж. Дюмезиля, две высшие касты (жрецы и воины) – пришлые, а производители (крестьяне и ремесленники) – автохтоны, что позволяет упростить структуру общества до дуальной схемы – на элиту и массу. Также эта дуальная схема в форме: небесный Логос (жрецы и воины)/хтонический Логос (крестьяне и ремесленники) – соотносится с гендерным дуализмом.

В контексте представлений Ж. Дюрана в качестве доминанты воображения русского общества А.Г. Дугин принимает мистический ноктюрн, феминное отношение к миру. Именно он проявляется в идее всеединства, женственности русской души, жертвенности собственными интересами в пользу интересов других, мессианском альтруизме, лёгкости приспособления к чужой этнической среде. В русском обществе преобладает глишроидный тип, в мышлении которого главное – склеивать, а не отделять; соединять, а не различать. Склонность к диалектике обуславливает готовность перейти на сторону противоположного начала, а затем его перестроить в собственном духе. Но также в русской цивилизации проявляется и сильная солярность [Дугин, 2010, 2017а].

Надо заметить, что русская мифо-логосная конструкция А.Г. Дугина [2019а] основывается на следующей исторической схеме. Считается, что изначально Европа была заселена неиндоевропейскими народами. Индоевропейцы сформировались в степной зоне Восточной Европы, а затем завоевали прилегающие территории, принеся на них индоевропейские языки и

¹⁸ Жорж Эдмон Дюмезиль (Georges Edmond Dumézil; 1898–1986) – французский лингвист и мифолог.

культуру. Основываясь на этой схеме, матриархальное, хтоническое мировоззрение А.Г. Дугин приписывает индоевропейскому населению Восточной Европы, которое подверглось давлению индоевропейского патриархального общества на протяжении тысячелетий, и поему от него остались лишь следы, которые очень сложно реконструировать.

Наиболее известным образом Великой Матери у русского народа является Мать-сыра земля, что позволяет говорить о мистерии почвы, а не зерна. А.Г. Дугин указывает на исходную органическую связь русского народа с земледельческой культурой и квалифицирует русскую цивилизацию как цивилизацию Деметры: «Это может быть представлено как эйдетическое оформление материальных тел, стоящих в центре внимания и восприятия культуры, но видимое в контексте небесной и солнечной демиургии, сверху. Это тот лик Земли, который обращён к Небу, а не к самой себе, как в Логосе Кибелы. Деметра – богиня полей, садов и пашен, а не лугов и лесов. Она представляет собой возделанную рукой мужчины женскую природу, укрощённую и упорядоченную. Это – пространство, наделённое мужской качественной структурой, своего рода *солярная земля*» [Дугин, 2017а, с. 376]. Земледельческая культура, как полагал А.Г. Дугин, даёт установку на экспансию и борьбу с природой, точнее, с лесом, освобождая от него пространство под пашню (подсечно-огневое земледелие).

Менее известными образами Великой Матери являются Мокошь и Баба-Яга. Однако у Мокоши есть связь не только с водой, но и с небом, так как она – супруга Перуна. По предположению А.Г. Дугина [2019а], это преобразование исходного образа Великой Матери произошло под действием индоевропейской уранической культуры. Патриархальные элементы русского общества, согласно, А.Г. Дугину, воплощаются в образе Ивана-царевича – царя-жреца, миссией которого является при помощи волшебных существ добывание священных предметов, спасение женщины, и в образах былинных богатырей: Волха Всеславовича, Святогора, Добрыни Никитича. В образе Владимира Красное Солнышко воплощена управленческая функция.

После распространения православия языческие образы заместились христианскими. Так, Николай Чудотворец заместил Велеса, пророк Илия – Перуна, Георгий Победоносец (Егорий Храбрый) – Ярилу, причём Николай Чудотворец и Георгий Победоносец воплощают логос Диониса, а пророк Илия – логос Аполлона [Дугин, 2019а]. Также с архетипом Николы связана идея будущего Царства Земли. Пророк Илия и архангел Михаил воплощают первую функцию: царство и священство, Егорий Храбрый воплощает воинскую функцию, а также осуществляет

посредничество между народом и военной политической элитой. Народное православие, которое квалифицируют как двоеверие, по мнению А.Г. Дугина, есть два способа интерпретации, две системы мышления: «вера Земли» и «вера Государства».

Космос русскими исходно представляется как *мир*, как территория спокойствия, мира, родины. В этом представлении нет противопоставления человека и мира, так как мир – это естественное состояние человека среди своих. Мир – это представление крестьянского ноктурна о вселенной. Иное понятие, обозначающее вселенную, – *свет* – чуждое для крестьян. Свет – это движение, проявляющее резко очерченные формы.

Противопоставление высшего *света* народному *миру* – это противопоставление политической и военной элиты третьему сословию [Дугин, 2019а]. Происходит борьба мира и света, исход которой ещё неясен. На это исходное состояние общества, как полагает А.Г. Дугин, наслаивается внешний логос, пришедший с Запада и транслирующий в русское общество чуждые законы, нормативы и социальные институты, причём хтонизм в русском обществе имеет две составляющие: западное научное материалистическое мировоззрение элит и титаническую мистериальность народных сект. Всё это порождает сложность с интерпретацией мифо-логосной структуры русского общества.

В контексте концепции трёх Логосов А.Г. Дугина носителем Логоса Диониса является русский народ, а Логоса Аполлона – русское государство до начала процесса модернизации. Логос Кибелы стал определяющим с XVII века, когда начались модернизация и вестернизация, соответственно, русская интеллектуальная (философская и научная) культура с XVIII века строилась на представлениях, заимствованных с Запада, то есть была подражательной и вторичной. Произошёл полный разрыв с древнерусской интеллектуальной традицией, и внедрялась новая онтологическая и гносеологическая парадигма, заимствованная из представлений секулярных обществ Западной Европы Нового времени [Дугин, 2020, с. 176].

Таким образом, первые русские философские труды есть имитация западноевропейской философии, а «Споры славянофилов и западников, составлявшие суть интеллектуальной истории XIX века, были спорами о самой *возможности русской философии*, поскольку для западников никакой особой русской философии просто не могло существовать. Единственная универсальная философия в их глазах была создана и развивалась на современном Западе, и задача русских мыслителей была лишь в том, чтобы верно и преданно следовать в этом

направлении, стараясь наверстать историческое отставание и включиться в интеллектуальную судьбу Западной Европы. Поэтому западники старались копировать европейские либерально-демократические идеи в политике, материализм и эмпиризм в науке, утилитаризм в этике, индивидуализм и рационализм в гносеологии и т.д. Западники последовательно защищали и продвигали в России Логос Кибелы и сопутствующий ему титанизм, тогда как славянофилы представляли собой духовную армию Аполлона в союзе с Дионисом» [Дугин, 2020, с. 227]. К дионисийской компоненте русского логоса А.Г. Дугин отнёс философию В.С. Соловьёва, в которой основное место занимает идея Софии, трактуемая А.Г. Дугиным как базовая идея русской цивилизации. София не феминистка, а андрогинна [Дугин, 2011в], то есть русский Логос как софийный Логос есть не женский Логос, а Логос Диониса [Сперанская, 2014, с. 140].

По мнению А.Г. Дугина [2011б], идея Софии, дополненная философией всеединства, могла стать началом собственно русской материнской философии, но В.С. Соловьёв разрабатывал эти идеи не в собственно русском, но в археомодернистском контексте, поэтому получилась псевдозападная философия. Софиологическая тема была развита П.А. Флоренским и С.Н. Булгаковым, однако какой-либо единой концепции Софии в русской философии не сложилось. Ярким хтоническим философом был Н.Ф. Фёдоров, идеи которого А.Г. Дугин [2011б] воспринимает как своего рода некромантическую теургию. Так, новейшие достижения естественных наук Н.Ф. Фёдоров рекомендовал использовать для освоения космоса с целью размещения воскрешённых людей. Для недопущения увеличения населения им рекомендован отказ от естественного рождения.

По заключению А.Г. Дугина такая философия имеет патологический характер и должна квалифицироваться как псевдорационализм, основанный на восхищении западной наукой. Таким образом, «наследие Н. Фёдорова представляется отталкивающей свалкой суждений, замечаний, обрывков, пародирующих процесс философствования (не только западного, но и восточного – например, китайского или индусского, где обязательно присутствует логика и структурированность, пусть и отличные от западноевропейских)» [Дугин, 2011б, с. 72]. Как радикальный титанизм и магический материализм археомодерн Н.Ф. Фёдорова есть сочетание «матриархальной культуры возвращающегося из могилы колдуна, заложного покойника, с развёрнутыми утопическими галлюцинациями технократического толка, доводящими до логического предела главный вектор европейского Модерна: переход к постчеловеческой, трансгуманистической форме жизни и обретение физического бессмертия, что станет

главной темой науки и культуры лишь в XXI веке, который Фёдоров гротескно предвосхищает» [Дугин, 2019б, с. 657].

Основой западной философии является философия *бытия*. Но, по мнению А.Г. Дугина [2011б], у русских бытие тесно связано с *бытом*. Поскольку быт не может быть предметом философского изучения, постольку у русских не сложилась философия. Однако русское бытие возможно как *пробывание*, в первую очередь, – пребывание в *речи*. А.Г. Дугиным не исключается возможное наступление Бронзового века в России, в котором получат своё выражение все три Логоса. Так, аполлоновский Логос видится им в возрождении восточно-христианского богословия с его монашеской исихастской традицией и эсхатологизмом в сочетании с имперской онтологией [Дугин, 2020, с. 957].

Однако основу идентичности русского народа составляет логос Диониса, поэтому без возрождения софиологической проблематики не будет и Бронзового века. Именно София должна стать сердцевиной Царства Земли. В отношении логоса Кибелы А.Г. Дугин [2020] не может сказать ничего определённого. Но необходимо обязательно определиться по отношению к Западу и к советскому периоду русского исторического процесса. Поскольку в народе имеется глубоко скрытая основа этого Логоса, то нельзя исключить появление каких-то новых его выражений.

5. Схема русской эволюционистики

Развитие эволюционной теории в дореволюционной России и СССР историки описывают как триумфальное шествие дарвинизма, знаменуемое не только различными эпохальными открытиями в области органического мира, но и эпическими победами над происками антидарвинистических сил [Развитие ..., 1983; Георгиевский, Хахина, 1996]. Однако формула русской логики Г.Д. Гачева демонстрирует совсем другую схему русской эволюционистики, в основе которой лежит борьба русской мысли против транслируемой с Запада эволюционной теории.

Итак, имеются три основные составляющие в эволюционной мысли России и СССР:

Во-первых, эволюционная теория, транслируемая с Запада: дарвинизм и его модификации – неodarвинизм, синтетическая теория эволюции. В широком смысле эта теория представляет собой селекционизм, то есть в ней естественный отбор полагается как основной фактор эволюции. Теории же, в которых отбор рассматривается как второстепенный фактор, не причисляют к дарвинистическим. Однако в России и СССР дарвинизм (селекционизм) включает три направления:

- 1) *селекционизм*, принятый с Запада в неизменном виде;

- 2) *неортодоксальный дарвинизм*, то есть теории, в которых при признании естественного отбора в качестве главного фактора эволюции в теорию Ч. Дарвина были внесены определённые новшества или в них не поддерживали некоторые положения дарвинизма;
- 3) *псевдодарвинизм* – теории, в которых от дарвинизма взята только форма, в которую залито иное содержание (теория И.И. Шмальгаузена, эпигенетическая теория эволюции М.А. Шишкина).

Во-вторых, отрицание дарвинизма. Из ярких личностей следует упомянуть Н.Я. Данилевского [обзор см.: Поздняков, 2016] и А.А. Любищева.

В-третьих, различные самобытные эволюционные теории.

Исторически после выхода «Происхождения видов» Ч. Дарвина в России наступила эпоха *неортодоксального дарвинизма*, конец которой примерно можно приурочить к концу второго десятилетия XX века. Такое восприятие дарвинизма можно объяснить тем, что в то время во всём мире эволюционная теория воспринималась как единственно возможная, и каждый эволюционист считал своим правом вносить в теорию такие изменения, которые, по его мнению, отражают реальное обстояние дел. Осознание невозможности единой эволюционной теории пришло после работ А. Вейсмана, и в эволюционистике сформировалось два основных направления: неodarвинизм и неоламаркизм. В определённой мере содержание неортодоксального дарвинизма можно интерпретировать по схеме археомодерна. Так, русские эволюционисты принимают идею естественного отбора и поддерживают дарвинизм, но в то же время, например, отвергают борьбу за существование или принимают идею подвижного равновесия (идею гармонии природы). Или принимают сальтационизм, который несовместим с селекционизмом.

В целом теории неортодоксальных дарвинистов представляют собой результат наложения двух национальных структур мышления: англосаксонской и русской. Разные структуры мышления логически несовместимы, то есть их совмещение невозможно без создания ложных смыслов. Поэтому исследователям русской эволюционистики необходимо решать две связанные друг с другом задачи: выявление ложных смыслов в созданных теоретических конструкциях и выявление в них элементов русской национальной эволюционной мысли.

Несколько позже – примерно с 90-х годов XIX века – стали публиковаться оригинальные русские эволюционные теории. Следует упомянуть *симбиогенез* (А.С. Фаминцын, К.С. Мережковский, Б.М. Козо-Полянский), *гетерогенез* (С.И. Коржинский), *органическую натурфилософию* (В.П. Карпов [обзор см.: Поздняков, 2018б]), *деятельностную теорию эволюции* (Ю.А. Белоголовый [обзор см.: Поздняков, 2019]), *теорию эволюции как*

творчества (Е.А. Шульц), теорию подвижного равновесия (А.А. Еленкин), номогенез (Л.С. Берг), историческую биогенетику (Д.Н. Соболев). По аналогии с литературой эту эпоху можно назвать *золотым веком русской эволюционистики*. Он был насильственно прерван в 20-х годах XX века.

Отдельно надо сказать о *ламаркизме*. Хотя, как и дарвинизм, ламаркизм пришёл с Запада, но он сразу стал в оппозицию к селекционизму, и потому оказался на стороне русской мысли. После Революции он развивался в Советской России примерно десять лет и был задавлен в начале 30-х годов. У механоламаркизма был небольшой ренессанс в 50-х годах, связанный с работами Е.С. Смирнова и его учеников, и уже в нашем веке, обусловленный работами А.И. Шаталкина, но уже в связи с идеями Т.Д. Лысенко.

К сожалению, идеи А. Вейсмана, серьёзно воспринятые всеми эволюционистами, оказались своеобразной научно-идеологической диверсией, которая направила развитие механоламаркизма (физиогенеза по терминологии Э. Копа) по бесперспективному пути. В более лучшем положении оказался физиологический ламаркизм (кинетогенез по терминологии Э. Копа), однако он не претендовал на создание особой эволюционной теории, и ламаркистская сущность работ П.К. Анохина, И.А. Аршавского, А.М. Уголева, К.В. Судакова, А.Г. Зусмановского осталась малозамеченной.

В 20-х годах XX века в СССР (и во всём мире) набрал силу *неодарвинизм*, в основе которого лежала генетика. Эта западная теория без заметных искажений была поддержана многими учёными в Советском Союзе. Из альтернативных направлений в СССР в начале 30-х годов осталось фактически только направление, развивавшее идеи неортодоксального дарвинизма, но, уже в отличие от неодарвинизма, оно назвалось *ортодоксальным дарвинизмом*, плавно трансформировавшимся в советский творческий дарвинизм, или *мичуринскую биологию*. Оба эти направления апеллировали к диалектическому материализму – составной части марксизма – за идеологической поддержкой. В бурном противостоянии этих направлений громкая победа осталась за мичуринской биологией в 1948 году.

Надо также отметить формирование И.И. Шмальгаузенем в конце 30-х годов *псевдодарвинизма* [обзор см.: Поздняков, 2020], который был подвергнут жёсткой критике сторонниками мичуринской биологии в 1948 году. Победа мичуринской биологии оказалась

временной, так как неodarвинизм продолжал свою деятельность, и тихо, без потрясений в 1965 году к господству в умах советских учёных пришла синтетическая теория эволюции (СТЭ).

Бурные и трагические битвы эволюционистов первой половины XX века сменились скрытной закулисной борьбой сторонников СТЭ с проявлениями альтернативных эволюционных идей. Но и в этих условиях они стали прорываться в печать. Так, с 70-х годов трудами С.В. Мейена развивается неонотогенез, а с начала 80-х годов работами М.А. Шишкина – псеводарвинизм. После снятия марксистского идеологического диктата в начале 90-х годов логично было бы ожидать наступление серебряного века русской эволюционистики. Однако в 90-х годах было небольшое оживление в типологической систематике (Г.Ю. Любарский, Л.Н. Васильева), а с начала нашего века, благодаря работам А.И. Шаталкина, ренессанс механоламарксистских идей, а также попытка реабилитировать мичуринскую биологию. Можно констатировать, что серебряный век русской эволюционистики не состоялся, и причины этого крайне необходимо выяснить.

Заключение

Итак, на основании проанализированных представлений Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, Г.Д. Гачева и А.Г. Дугина можно принять, что в результате оборонной модернизации сформировалось особое состояние русского общества, в котором прослеживаются черты археомодерна и метаморфозы. Это состояние представляет собой патологию, болезнь общества. Но поскольку против агрессии Запада у России есть защита в виде ядерного оружия, то эту болезнь можно попытаться излечить.

Однако способ излечения не следует представлять как отказ от технологий и возвращение к состоянию XVII века. В целом, излечение заключается в развитии русских самобытных элементов в быту, культуре и мировоззрении. Но если в быту довольно легко избавиться от чуждых элементов, была бы лишь на то политическая воля и соответствующая поддержка со стороны СМИ, то в гуманитарных науках (и в науке о живом) это сделать намного сложнее. И здесь вряд ли следует поддерживать японцев. Так, в 2015 году министр образования Японии рекомендовал университетам сократить или вовсе отменить учебные программы по гуманитарным наукам. На мой взгляд, сначала следует проанализировать существующие теоретические наработки в этих науках и определить, какие из них гармонируют и дисгармонируют с русским менталитетом, то есть разделить чуждые и самобытные элементы.

В качестве примера в статье приведена схема русской эволюционистики. И развивать надо те теории, которые соответствуют русскому менталитету.

Затем следует искать основу, объединяющую комплекс наук. Так, на мой взгляд, в науке о живом такой основой может служить комплекс идей, объединяемых под названием *биосферология* [Поздняков, 2018а]. Этот комплекс включает идеи В.И. Вернадского, К.Д. Старынкевича, В.Н. Беклемишева о структуре и функционировании биосферы, и он прямо связан с идеей *ноосферы* — сферы действия человечества, а также с исторической концепцией Л.Н. Гумилёва. Таким образом, на этой основе могут быть связаны различные области знания в органический базис, на котором могут строиться различные частные теории.

В эпистемологическом и методологическом отношении такая общая основа пока явно не просматривается, но следует обратить внимание на *Биокосмологическую Инициативу*, выдвинутую БКА, которая нацелена на Интегралистские исследования, основанные на Органицистской парадигме, предполагающей по сравнению с антропоцентристской рациональностью иной тип организации научных знаний.

Литература

- Алалыкин-Извеков В.Н. Цивилизационная теория в России – прошлое, настоящее и будущее // *Biocosmology – neo-Aristotelism*. 2014. Vol. 4, No. 3. P. 337–354.
- Белов А.В. Культура как организм. Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерал. ун-та. 2017. 392 с.
- Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // *Русский вестник*. 1888. Т. 196, Май. С. 210–270.
- Буренков А.В. Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке // *Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке*. Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак. 2014. С. 12–50.
- Воробьёв Ю.Л. Европейничанье как желанная болезнь либерализма // *Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке*. Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак. 2014. С. 51–59.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Советский писатель. 1988. 448 с.
- Гачев Г.Д. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М.: Педагогика. 1991а. 272 с.
- Гачев Г.Д. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости. 1991б. 272 с.
- Гачев Г.Д. Наука и национальная культура (гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та. 1993а. 320 с.

- Гачев Г.Д. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). М.: Наука. 1993б. 390 с.
- Гачев Г.Д. 1995. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура. 480 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М.: Раритет. 1997. 680 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия». 1998. 432 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК. 1999а. 368 с.
- Гачев Г.Д. С Толстым встреча через век (исповесть). М.: Вузовская книга. 1999б. 112 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Кавказ. М.: Издательский сервис. 2002. 416 с.
- Гачев Г.Д. Гуманитарный комментарий к физике и химии. Диалог между науками о природе и о человеке. М.: Логос. 2003а. 512 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония. М.: Прогресс-Традиция. 2003б. 384 с.
- Гачев Г.Д. Русский эрос. М.: Эксмо, Алгоритм. 2004б. 640 с.
- Гачев Г.Д. Миры Европы. Взгляд из России. Англия, интеллектуальное путешествие. М.: Воскресенье. 2007а. 688 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. М.: Логос. 2008. 424 с.
- Георгиевский А.Б., Хахина Л.Н. Развитие эволюционной теории в России. СПб.: ИИЕТ РАН. 1996. 238 с.
- Гринченко С.Н. Является ли мировая наука «организмом» // *Biocosmology – neo-Aristotelism*. 2014. Vol. 4, No. 1–2. P. 115–122.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Издание Н. Страхова. 1888. XXXVIII, 557 с.
- Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект. 2010. 364 с.
- Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея. 2011а. 142 с.
- Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект; Гаудеамус. 2011б. 500 с.
- Дугин А.Г. Социология русского общества. Россия между Хаосом и Логосом. М.: Академический Проект; Гаудеамус. 2011в. 583 с.
- Дугин А.Г. В поисках тёмного Логоса (философско-богословские очерки). М.: Академический проект. 2013. 515 с.
- Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Академический проект. 2014а. 530 с.
- Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела. М.: Академический проект. 2014б. 447 с.
- Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Геософия: горизонты и цивилизации. М.: Академический проект. 2017а. 476 с.
- Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Логос Турана. Индоевропейская идеология вертикали. М.: Академический проект. 2017б. 565 с.
- Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. М.: Академический проект. 2019а. 461 с.

- Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта. М.: Академический проект. 2019б. 959 с.
- Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос III. Образы русской мысли. Солнечный царь, блик Софии и Русь Подземная. М.: Академический проект. 2020. 980 с.
- Маханьков И.И. Мир – это дух // Шпенглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-Книга. 2014. С. 979–986.
- Орлов А.И. О строительстве науки в отдельно взятой стране // *Biocosmology – neo-Aristotelism*. 2014. Vol. 4, No. 3. P. 203–223.
- Поздняков А.А. Теоретико-биологические представления Н.Я. Данилевского // *Lethaea rossica*. 2016. Т. 12. С. 33–46.
- Поздняков А.А. Концептуальные основания и дисциплинарная структура науки о живом // *Biocosmology – neo-Aristotelism*. 2018а. Vol. 8. No 1. С. 41–73.
- Поздняков А.А. Органическая натурфилософия В.П. Карпова // *Lethaea rossica*. 2018б. Т. 17. С. 41–55.
- Поздняков А.А. Деятельностная концепция организма и эволюции Ю.А. Белоголового // *Lethaea rossica*. 2019. Т. 18. С. 39–64.
- Поздняков А.А. Значение концепции целостности организмов для эволюционной теории // *Lethaea rossica*. 2020. Т. 20. С. 54–78.
- Развитие эволюционной теории в СССР. Л.: Наука. 1983. 613 с.
- Сперанская Н. Дионис преследуемый. М.: Культурная революция. 2014. 536 с.
- Султанов К.К. Реконструкция «национального образа», или Открытие Другого // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 2. С. 86–98.
- Трубачёв О.Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Вып. 24. М.: Наука. 1997. 234 с.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс. 2000. 352 с.
- Халапсис А.В. Философия и геополитика Николая Данилевского. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 2017. 180 с.
- Хруцкий К.С. Восстановление культурно-генетического кода российской цивилизации: Биокосмологические перспективы // *Biocosmology – neo-Aristotelism*. Vol.6, No.2 (Spring 2016), с. 324–369
- Хруцкий К.С. Данилевский 2.0 (150 лет спустя): Россия и Восток – эпоха Интегрализма и Северо-Восточный (Ноосферный) цивилизационный вектор в мировом (мирном – peaceful) развитии // *Biocosmology – neo-Aristotelism*. Vol. 10, Nos. 1&2 (Winter/Spring 2020); с. 8–150. DOI: 10.24411/2225-1820-2020-00006.
- Шпенглер О. Закат Западного мира. М.: Альфа-Книга. 2014. 1085 с.
- Kluge F. An etymological dictionary of the German language. L.: George Bell & Sons. 1891. 446 p.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. B.: Walter de Gruyter. 2002. 1023 s.